

> МАГИСТРАЛЪ >

ЙОСТ ВАН ДЕН БОНДЕЛ

Люцифер

Москва

УДК 821.112.5-31
ББК 84(4Нид)-44
В73

Joost van den Vondel
LUCIFER

Перевод с нидерландского
и примечания *Е. Витковского*

Художественное оформление серии
Н. Портяной

Вондел, Йост, ван ден.
В73 Люцифер / Йост ван ден Вондел ; [перевод с нидерландского, примечания Е. В. Витковского]. — Москва : Эксмо, 2026. — 160 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-221776-0

Первая часть трилогии трагедий голландского драматурга Йоста ван ден Вондела, написанная в XVII веке. Пьеса исследует темы падения и борьбы между добром и злом через образ Люцифера, павшего ангела, который восстает против Бога.

Вондел создает глубокий психологический портрет персонажей, исследуя природу зла и стремления к свободе, а также последствия бунта против божественного порядка. Сложные диалоги и поэтический язык делают «Люцифера» не только важным произведением для изучения голландской литературы, но и универсальным исследованием человеческой природы.

«Люцифер» Вондела оказал заметное влияние на творчество Джона Мильтона, особенно на его эпическую поэму «Потерянный рай».

УДК 821.112.5-31
ББК 84(4Нид)-44

© Е. Витковский, перевод на русский язык и примечания. Наследник, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-221776-0

Praecipitemque immani turbine adegit {1}.

НЕПОБЕДИМЕЙШЕМУ КНЯЗЮ И ГОСУДАРЮ,
ГОСПОДИНУ **ФЕРДИНАНДУ ТРЕТЬЕМУ** {2},
КОРОНОВАННОМУ ИМПЕРАТОРУ
СВЯЩЕННОЙ **РИМСКОЙ** ИМПЕРИИ, ВСЕ БОЛЕЕ
ВОЗВЫШАЮЩЕМУ СЛАВУ ГОСУДАРСТВА

Подобно тому, как Божественное Величие восседает в неприступном сиянии, восседает также и Светское Могущество, черпающее свое сияние в отражении божественных лучей, блистая преславно и неприкосновенно; но, как Божество, или, лучше сказать, Верховная Добродетель, милует благосклонно тех, кто приступает к наивысочайшему трону, смиренно умалившись, — так да удостоит современное Могущество также и наималейшего дозволением почтительно склониться пред высочайшими стопами. В таковой надежде отваживается моя муза из дальнего края преподнести Вашему Императорскому Величию эту трагедию о Люцифере, слог коей взыскует быть весьма возвышенным и торжественным:

Omne genus scripti gravitate Tragoedia vincit {3}:

Сиять над высшей вышиной
Дано Трагедии одной, —

все же ежели между тем в чем-либо здесь и недостает предполагающейся возвышенности стиля, то пусть возместят такую содержание драмы, титул, имя и светлость того, кто предстает здесь зеркалом всех честолюбцев в небесной трагедии; того, кто занимал высокое положение в Небесах, кто призван был восседать по Божью сторону и быть Богу подобным, но от каковой участи отрекся и по справедливости обречен за то на вечный мрак. Сему злосчастному примеру Люцифера, архангела, некогда владычествовавшего над всеми ангелами, следовали с тех пор почти во все столетия различные строптивые тираны, о чем свидетельствует как древняя, так и новая история, показывая, как насилие, подлость и коварно учиняемые удары неправедных, замаскированные под блеск и сияние законности, бесполезны и бессильны, поскольку Божие предвидение оказывает поддержку изначально освященным Властям и Родам, во имя спокойствия и безопасности саморазличных государств, кои, не обладая законным верховным главою, лишаются возможности образовать гражданское сообщество; именно поэтому Господень провозвеститель на пользу человеческому роду, что Державу утвердил как свою собственную, повелевая воздавать Богу и Кесарю соответственно Богово и Кесарево. Христианская империя пребывает подобно кораблю в бурном море, со всех сторон осажденная в наше время турками и татарами, и, ввиду угрозы кораблекрушения, требуется в высшей

степени единодушное почитание Императорского дома, дабы сдержать общего наследственного врага племени Христова и обезопасить императорские земли вместе с их границами от ущерба, чинимого дикими народами; посему возблагодарим же Бога за то, что Ему было угодно на последнем рейхстаге закрепить власть и корону Священной Римской империи в руках наследника, Фердинанда Четвертого {4}, в то время как его отец пребывает в добром здравии; мы усматриваем в этом благословение, прослышав о коем, столь многие народы воспрянут духом, и сценическая труба нашей нижненемецкой музыки отважнее, чем когда-либо, выведет Люцифера, триумфально побеждаемого Михаилом, на подмости перед тронем властителя державы Верхних Немцев.

*Вашего Императорского Величества
Всепокорнейший слуга
Й. ван Вондел*

К ПОРТРЕТУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
ФЕРДИНАНДА ТРЕТЬЕГО

в час, когда ИОАХИМУС САНДРАРТ {5} из Стокау,
из Вены в Австрии, меня почтил изображением
Его Величества, изукрашенным трофеями и венками

Deus nobis haec otia fecit {6}.

Светилом Австрии, взнесенным столь высоко,
Послать лучи Земле сегодня решено:
С престола горнего благоволит оно
К искусствам обратить взыскательное око.

О третий Фердинанд, ты словно Август новый,
Наследуешь ему, как верный сын отцу:
Ты знаешь бранный путь к небесному дворцу,
Внося в тревожный мир спокойствия основы {7}.

Блаженный властелин блаженного народа,
10 Всевышний да блюдет тебя, твой век продлив,
И суд весов твоих да будет справедлив!

Орел доставил меч и скипетр с небосвода,
Корону возложил на славное чело, —
Начало дней золотых на земли низошло.

ОБРАЩЕНИЕ КО ВСЕМ ДРУЗЬЯМ ИСКУССТВА И ЦЕНИТЕЛЯМ СЦЕНИЧЕСКОГО ДЕЙСТВА

Здесь преподносится вам, дабы сызнава воспламенить ваше рвение к искусству и дабы вместе с тем напитать ваши души подкреплением и поучением, священная Трагедия, имеющая местом действия Небеса. Великие Архангелы — Люцифер и Михаил, каждый поддержанный приверженцами, взявшими их сторону, — выходят здесь на подмостки, чтоб сыграть свои роли. Сцены и персонажи столь ясны и столь величественны, что им подобал бы более возвышенный стиль, более высокие котурны, нежели я умею для них измыслить. Никто из тех, кому понятен язык непогрешимых пророков божественного Духа, не станет трактовать, что мы излагаем историю Салмоней {8}, воспротивившегося Юпитеру среди Элиды, подражавшего при помощи металлических брусьев своей колесницы грому и молниям, громом же и убитого; никоим образом не пытаемся мы заново поведать древний сюжет о битве Исполинов, — каковыми примерами пытается Поэзия отвратить внемлющих ей от высокомерия и безбожного подрывания основ церкви, вдохновляя взамен

того к познанию природы; именно вихри и поветрия, замкнутые в нутре земли, в ее заполненной серными испарениями полости, порою ищут возможности исторгнуться, встопорщивая каменные скалы, творя дым, чад, пламя, трясение почвы и ужасающий шум, — разразившись же сими производными и поднявшись в небесную высь, бывают они вновь низвергнуты в основание суши и моря и завалены пеплом и камнями. Среди пророков свидетельствуют нам о падении Архангелов и их приверженцев Исая и Иезекииль; также и Христов Евангелист дал нам наиболее истинное для нашего понимания богодухновенное известие, наконец, о том же говорит Иуда Фаддей, верный Его апостол, изречения коего достойны быть запечатлены в вечном диаманте, и еще более того — в наших сердцах. Исая восклицает: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божиих внесу престол мой и сяду на горе в сонме богов на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» {9}. Бог речет через Иезекииля так: «Ты печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты. Ты находился в Эдеме в саду Божиим, твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями: рубин, топаз и алмаз, хризолит, оникс, яспис, сапфир, карбункул и изумруд и золото, все, искусно усаженное у тебя в гнездышках и нанизанное на тебе,

приготовлено было в день сотворения твоего. Ты был помазанным херувимом, чтобы осенять, и Я поставил тебя на то; ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней. Ты был совершен в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония» {10}. Оба эти изречения следует понимать в буквальном смысле относящимися: одно — к царю Вавилона, другое — к царю Тира, которые, подобные Люциферу величием и высокомерием, были наказаны и преданы карам. Иисус Христос также наблюдает падение строптивного Люцифера. Он речет по этому поводу: «Я видел Сатану, спадшего с неба, как молнию» {11}. Фаддей описывает картину падения ангелов, их проступок и впоследствии последовавшее наказание без какой-либо таинственности, кратко, так: «И ангелов, не сохранивших своего достоинства, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня» {12}. Мы обороняемся этими золотыми изречениями, особливо словами Иуды Фаддея, ученика и посланника Небесного Учителя и Царя всех царей, от стрел всех маловеров, кои стремятся поставить под сомнение истинность падения Духов. Кроме того, в том же убеждает нас изобилие достойных уважения, большей частью единодушных в данном вопросе высказываний отцов церкви; все же, чтобы не злоупотреблять вниманием сотоварищей по искусству, удовольствуемся мы тремя выдержками; первая — из св. Киприана {13}, епископа и мученика Карфагенского, — он пишет: «Сей, дотоле сподобленный

сана ангельского величия, удостоенный быть приятным Богу, узрел человеков, сотворенных по образу и подобию Божию, проникся злоторной завистью {14} и пал благодаря оной, дотоле его не обуревавшей, пал, низринутый, пойманный прежде, нежели сам поймал, испорченный прежде, нежели сам испортил; тем временем он, снова возбуждаемый завистью, похитил людей из дарованного им милосердного освобождения от смерти, но и сам также потерял то, что имел прежде». Григорий Великий {15} даст нам второе речение: «Этот падший ангел, созданный для того, чтобы выше других ангельских сонмов сверкать, низвергнут так за свое высокомерие и поныне остается подчиненным господству непоколебленных ангелов». Третье и последнее указание обретаем мы в поучениях медоточивого Бернарда {16}: «Бойся высокомерия, я молю тебя, все же бойся его! Источником всех преступлений является высокомерие, которое самого Люцифера, сверкающего яснее всех звезд, затемнило вечным мраком. Оно не просто одного из ангелов, но высшего Ангела обратило в Дьявола». Высокомерие и Зависть — две побудительные причины ужасающих вспышек раздоров и войн, когда над нами властвует упряжка из двух созвездий-зверей, Льва и Дракона, которые впряжены впереди боевой колесницы Люцифера, увлекая его в бой против Бога и Михаила; следует принять во внимание то, что оба эти зверя символизируют данные умопомрачения, ибо Лев, царь зверей, воодушевленный своей мощью,

в своей надменности не числит никого высшим себя; зависть же язвит своим языком тех, к кому она обращена, на расстоянии. Блаженный Августин {17}, описывая эти два умопомрачения, присущие Люциферу, характеризует нам его и говорит, что Высокомерие — это любовь к своему собственному величию, но Зависть — самое ненавистное среди всех прочих несчастий; здесь явно прослеживается взаимосвязь, ибо каждый подобный, — говорит Августин, — тот, кто собственное величие возлюбил, завидует подобным же себе и завидует меньшим себя потому, что они не стали равными ему, завидует бóльшим себя потому, что они стоят выше его. По той же причине даже и сами звери одержимы проклятыми Духами и употребляемы ими во зло, подобно тому, как случилось это в начале времен со Змеем, а в священный век — со стадом свиней, которые с превеликим шумом бросились в море {18}; поскольку же созвездия в небесах сами обозначены символами, также упоминаемыми Пророками {19}, например Плеяды, они же Семизвездие, Арктур, Орион и Люцифер, то да будет вам угодно извинить избыточность и назидательность драматической поэзии, которая, преображая подобным образом пагубных Духов в нашей трагедии, вооружает их и позволяет им противоборствовать, ибо адским чудовищам ничто так не свойственно, как принимать обманные обличья и злоупотреблять стихиями и тварями во вред славе и имени Всевышнего, заходя столь далеко, сколь Он им позволяет; св. Ио-

анн в своем Откровении изображает Небесные Тайны и борьбу в Небесах, говоря о Драконе, чей хвост, утащивший третью часть звезд {20}, толкуем теологами как образ падения низверженных ангелов; в поэзии к тому же вошло в традицию не осуждать цветистость изложения и не предписывать строгости школьных уроков. Так же должны мы отнестись к второстепенным персонажам, появляющимся в этой Трагедии, именно к злым и добрым Ангелам, из коих каждый играет свою особую, от других отличную роль; подобно тому, как сам Цицерон и его последователи учат нас изображать каждый персонаж согласно его происхождению и положению. Между тем мы не находим никакого резона в том, чтобы драматург весьма строго следовал тексту Св. Писания и таковым ограничивался, отлично от случаев, когда дело касается до мировой истории или же до языческих измышлений, и пренебрегал бы древними и преславными законоустановлениями поэзии, что изложено Горацием Флакком в его «Науке поэзии» следующими словами {21}:

Имеют власть решать художник и поэт,
Что на потребу им, а в чем потребности нет.

Здесь в особенности следует уделить внимание тому, как мы, дабы сильнее распалить ревность высокомерных и завистливых Духов, приоткрываем им в некоторой мере — устами глашатая Тайн Господ-

них, Божьего Посла Архангела Гавриила — таинство грядущего вочеловечения Слова; мы следуем в данном случае мыслям не большинства, но лишь некоторых теологов, поскольку более скорбная картина предоставляет больше богатого материала и сценического блеска; однако в этом пункте, как и в других обстоятельствах причинности, времени, места и образа действий, мы, воспользовавшись таковым, лишь имели целью провести трагедию сильнее, пышнее, последовательнее, поучительнее, и лишь хотели осветить несомненную истину, а не измыслить что-либо по нашему разумению или счесть возможным что-либо твердо установить. Св. апостол Павел, провозвеститель Тайн Господних Евреям, возвещает сам весьма достохвально — к повреждению царства лживых и совращенных Духов — господство, власть и божественность вочеловеченного Слова, благодаря Его вступлению превыше всех ангелов в имя, сан и наследование, в почитание ангелами, в помазание, в восседание одесную Бога, в вечность Своего господства как Царя Грядущего Мира, источник и окончание всего сущего и венчанного главы человеков и ангелов, Ему подвластных, Божьих вестников и Духов, посланных на службу человекам, наследникам блаженства, природа которого — Сын Божий, Ангелами предшествуемый, в роду Авраамовом завещанный {22}. Считаясь с этой несомненностью, я не почитал здесь уместным без разума повторять в точности каждое слово Библии, поскольку